

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

И.Ю. Проценко
(Украина)

En el artículo se determinan las nociones principales de la investigación: santo, sagrado, sacro. Se propone la clasificación del lexico sacral. Se analiza brevemente el desarrollo semántico de tres palabras latinas: aedes, fanum, templum.

Начиная с момента своего появления, конца XVIII – начала XIX веков, сравнительно-исторический метод изучения языков, набравшись опыта, перерос в отдельную науку – сравнительно-историческое языкознание. Причиной тому – бесспорные успехи как отдельных исследователей (У. Джонс, А. Шлейхер, В. фон Гумбольдт, Э. Бенвенист, А.А. Потебня, Р.А. Будагов, В.И. Абаев, О.Н. Трубачев и др.), так и созданных ими школ. В работах лингвистов, посвятивших себя сравнительно-историческому языкознанию, восстанавливается язык-основа (как близкородственных языков – романские, германские, славянские и т.д., так и находящиеся в отдаленном родстве – разных групп, но принадлежащих к одной семье), из которого развились современные языки, устанавливаются законы, по которым шло это развитие, определяются всеобщие лингвистические универсалии.

Однако сравнительно-исторические исследования строились в основном как сравнительная грамматика и фонология, выявлялись происхождения тех или иных морфологических и фонетических показателей. Лексические параллели считались менее устойчивыми, надежными и поэтому не заслуживающими внимания лингвистов. Такое мнение на наш взгляд ошибочно уже потому, что для ряда языков, например, изолирующих, морфологические сопоставления вообще невозможны и родство может определяться только через анализ лексики.

Устранить существующую «несправедливость» пытаются украинские компаративисты В.В. Левицкий (Левицкий В.В., 1997, 2006), А. И. Илиади (Илиади А.И., 2005), Е.Г. Микина (Микина Е.Г., 2012). В своих работах они активно развивают мысль о возможности установления семантических универсалий в языках разного уровня. Генеральное направление нашей научной работы – установить семантические универсалии сакральной лексики романских языков, в первую очередь испанского, на индоевропейском фоне.

К определению понятия «сакральная лексика» мало кто обращался. Чаще всего под этим термином понимались лексемы, характеризующие реалии религиозной жизни, которые номинировались как «священное» или «святое» и употреблялись как абсолютные синонимы. Подробный анализ семантических и концептуальных особенностей определения сакральной лексики, аспекты ее изучения предлагает Т.В. Кузьмина (Кузьмина Т.В., с. 29). Принимая в целом ее позицию, определим для себя понятие «сакральная лексика» и в чем ее отличие от синонимов «священный» и «святой».

Святой – «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный» (Даль В.И., 1998, Т.4, с. 161), «проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный» (Ожегов С.И., 1975, с. 650), то есть, обладающий уникальными божественными качествами, свойствами, близкий Богу или отмеченный Божественным присутствием.

Священный – в некоторых случаях тоже, что и святой, но означает действия или конкретные предметы, которые используются в религиозных ритуалах, посвященных Богу или Богам. То есть, священное – это выражение религиозного предназначения предмета (действия), а не его внутренних свойств, отделение его от мирского, указание на необходимость особого к нему отношения. Например, *священная утварь, священное писание* и т.д. (Даль В.И., 1998, Т. 4., с 162).

Сакральный – обозначает нечто, что относится к сверхъестественному, но не только то, что имеет отношение к божественному, возвышенному, «небесному», но подразумевает также нечто иррационально-мистическое, что вызывает как уважение, так и страх перед тайной непознаваемого, запретного, но бесценного, чтобы его потерять, и противопоставлено вещам, понятиям, явлениям мирским, профанным.

Для фиксации сакрального смысла используются следующие категории слов:

– у которых сема ‘относящийся к сверхъестественному’ является ядерной: *Бог, рай, ад, ангел, демон* и т.д.;

– у которых сема ‘относящийся к сверхъестественному’ активируется в зависимости от конкретной ситуации. Например *небо* в словаре русского языка Ожегова С.И. – ‘видимая над землей атмосфера’ (Ожегов С.И., 1975, с. 365); а в толковом словаре живого великорусского языка Даля В.И. – ‘то высшее пространство, гдѣ, по нашим понятиям, пребывают вообще души умершихъ, тотъ свѣтъ, духовный міръ; также в особенности гдѣ души праведныхъ, окружая Господа и ангельскія сомнища Его; рай, небесное царство, прогивон: адъ // Промысль, провидѣнье, высшія силы: *знать, такъ небесамъ угодно*’ (Даль В.И., 1998, с. 502);

– у которых сема ‘относящийся к сверхъестественному’ отсутствует, но они являются обязательными при описании различных культов, обрядов: *храм, церковь, алтарь*, и т.д.

Лексика, о которой идет речь, делится на лексико-семантические группы (ЛСГ), которые объединяют слова, относящиеся к различным аспектам сакральной жизни:

1. Сакральное действие (богослужение; обряд; ритуал; церемония и т.д.);
2. Сакральное место.

В узком понимании – место совершения сакрального действия:

– религиозного характера: *храм, монастырь, церковь, часовня* и т.д.;

– магического (мистического) характера: *Stonehenge* в Англии, *Лысая Гора* в Киеве и т.д.

– географические реалии (острова, горы, моря, реки, страны и т.д.), связанные с культом богов или на территории которых происходили (происходят) сакральные действия. Например, *Cyprus* ‘Кипр’ – «место древнего культа Венеры» (Дворецкий И.Х., 1976, с. 286).

В широком смысле эта ЛСГ объединяет слова, называющие или описывающее сакральное пространство (Eliade M., 1964, 1994, pp. 22-47).

3. Сакральный предмет – все, что используется для совершения сакрального действия: *утварь, одежда, продукты питания* и т.д., а также все, что является необходимыми конструктивными составляющими места совершения сакрального действия. В этом случае чаще всего речь идет о вещах, принадлежащих церкви: *Престол, Напрестольный крест, лампада, кустодия*, и т.д. Конечно, нельзя не

принимать во внимание и языческие реалии: *жертвенный камень*, элементы одежды шаманов (*бусы, четки*) и т.д.

4. Сакральный персонаж: *Бог, ангел, дьявол, человек* (чаще герой мифов, легенд), *животное* и т.д.

5. Сакральные тексты – содержат основы религиозного учения, описание или толкование обряда, культа и т.д. и могут быть объектом поклонения. Это уникальные памятники человеческой культуры, которые в значительной степени определяют мировоззрение и мироощущение целых народов, их системы ценностей и картины мира. Сакральные тексты – один из возможных видов мистической продукции. Будучи канонизированы, они ложатся в основу священных текстов различных религий: *Библия, Коран, Талмуд, Книга бытия* и т.п.

6. Абстрактные понятия: (сакральное время – оно не подчиняется установленным физическим законам, предполагает особое исчисление (Eliade M., 1964, 1994, pp.48–74); сакральные идеи и т.д.).

Сфера наших интересов сосредоточена на анализе ЛСГ «сакральное место (пространство)» в латыни, романских языках (в первую очередь испанском) и языках других групп и семей.

Сам по себе феномен сакрального пространства является объектом исследования культурологов, философов, теологов, которые ввели в научный обиход некоторые понятия. «Иеротопия» (от греч. *ἱερός* ‘священный’ и *τόπος* ‘место, пространство’) – создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества (Лидов А.М., 2009, с. 10), «Иерофания» (от греч. *ἱερός* ‘священный’ и *φανός* ‘светоч, свет’) – «некое вторжение священного, в результате чего из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придают качественно отличные свойства» (Eliade M., 1964, 1994, с 25).

Нас же интересует лингвистическая сторона вопроса, а именно семантические трансформации лексем, называющих *храм* (культовое место, пространство для совершения обрядов), в латыни и современных романских языках.

В процессе исторического развития какие-то слова сохранились в обиходе в испанском и других романских языках с первоначальным значением, некоторые потеряли свое сакральное значение, некоторые исчезли из обихода совсем.

Например, латинское существительное *aedes* потеряло сакральное значение. В основе этого слова индоевропейский корень *aidh-* ‘жечь, сжигать’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 3), ‘светить, сиять, сверкать, блестеть’ (Pokorny J., 1959, p.11). Ср.: санскр.: *inddhé* ‘сжигание’, ‘пожар’ (Roberts E.A., Pastor B., 2001, p. 3; Pokorny J., 1959, p. 11), *édha-h* ‘дрова’ (Roberts E.A., Pastor B., 2001, p. 3); авест.: *aēšta* ‘дрова’ (Pokorny J., 1959, p. 3); англосакс.: *ād* ‘накал’ (др.ирл.: *ded* ‘огонь’ (Pokorny J., 1959, p. 2; Roberts E.A., Pastor B., 2001, p.11); др. исл.: *eisa* ‘огонь’ (Pokorny J., 1959, p. 3; Roberts E.A., Pastor B., 2001, p.11); др. в. нем.: *eit* ‘накал’ (Pokorny J., 1959, p. 3; Roberts E.A., Pastor B., 2001, p.11); хетт.: *a-* ‘греться’ (Pokorny J., 1959, p. 3); пал. *ḥa-* ‘быть горячим’ (Pokorny J., 1959, p. 3); греч. *αἴθω* ‘горение’ (Roberts E.A., Pastor B., 2001, p.11); (Roberts E.A., Pastor B., 2001, p.11); *αἴθων* ‘огненный’ (Roberts E.A.,

Pastor V., 2001, p.11); (Roberts E.A., Pastor V., 2001, p.11), *αἴθρῳ* ‘сверкать, искриться’ (Roberts E.A., Pastor V., 2001, p.11), *αἴθήρ* ‘эфир, самая высокая часть атмосферы, максимально приближенная к “жару огня”’ (Pokorny J., 1959, p. 3); галл. *aedui* ‘огонь’ (Roberts E.A., Pastor V., 2001, p.11); lat.: *aestās* ‘теплое время года’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 43); (Дворецкий И.Х., 1976, с. 43), ‘жара, лето’ (Pokorny J., 1959, p. 3: *aestus* ‘жара, огонь’ (Pokorny J., 1959, p. 3), *aedēs* первоначально ‘плита в доме, домашний очаг (в переносном значении домашний очаг-дом)’ (Roberts E.A., Pastor V., 2001, p.11). Как известно, поддержание огня в очаге играло в жизни индоевропейцев настолько важную роль, что со временем приобрело исключительную культово-ритуальную значимость (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1984, с. 700). Но только в латыни от корня с первоначальной семантикой ‘жечь’ образовалось слово *aedēs*, называющее домашний очаг и храм.

В основе такой семантической трансформации метонимический перенос. Огонь использовался для самых необходимых бытовых нужд – обогрева жилища, приготовления пищи (что привело к созданию устойчивой аналогии: огонь → очаг → дом, здание, помещение (жилое), жилье). С другой стороны, он был составной частью различных ритуалов, которые совершались в местах специально для этого предназначенных (храмах, либо перед ними) и имел сакральное значение. А значит, в искомом слове *aedes* в определенной жизненной ситуации активизировалась потенциальная сема «относящийся к сверхъестественному».

Все вышесказанное позволяет утверждать, что семантическое развитие указанной лексемы шло в двух направлениях:

а) огонь > очаг → домашний очаг, дом > здание;

б) огонь > сакральное место (где совершались ритуалы с использованием огня) > храм.

Но, не смотря на изначально сакральный характер огня (его чудесное появление: в результате трения, либо сходящий с небес; тайна физического состава; функции: то служащий людям, то уничтожающий все и т.д.), латинское слово *aedes* (образованное от корня *aidh-* ‘жечь, сжигать’) со временем потеряло значение ‘место для отправления культовых обрядов’, ‘храм’ с очагом (или местом для него), а его дериваты в современных романских языках стали называть лишь ‘дом’, ‘жилище’, здание вообще. То есть, бытовое значение со временем вытеснило сакральное. Возможно, это произошло потому, что наши предки увидели и поняли – перед этой магической субстанцией можно не только испытывать благоговейный страх, но ее можно приручить и заставить служить себе. Так и случилось. Огонь стал творить “чудеса бытовые”: обогревал жилища, “варил” еду, уничтожал мрак и т.д. А семантическая эволюция *aedes* для номинации сакрального места остановилась на уровне латыни и не получила развития в современных языках.

Существительное *aedes* послужило основой для образования новых латинских слов, значения которых связаны с жилищем или культовым сооружением (храмом), и употребляются в современных романских языках. Например, *aedificium* [*aedes* + *facio*] обозначает любое строение, здание (Дворецкий И.Х., 1976, с. 38). Ср.: исп. *edificio*; порт. *edificio*; ит. *edifizio*; рум. *edificiu*; фр. *édifice*; галис. *edificio*; кат. *edifici*. Похожая ситуация наблюдается со словом *aedificatio*, которое во втором значении также используется для обозначения любого здания. Ср.: исп. *edificación*; порт. *edificação*; ит. *edificazione*; фр. *edification*). И только одно слово, *aedicula* (уменьшительное к *aedes*),

сохранило до наших дней свое значение ‘маленький храм, часовенка’. Хотя в современных романских языках имеет также другие значения. Ср. исп. *ediculo* ‘пристройка (к любому зданию)’ (Moliner María, 2007); фр. *édicule* ‘пристройка к часовне, храму; киоск’ (Robert, 1994, p. 718); порт. *ediculo* ‘маленький домик’ (Figêreiro C., 1939, T.1, p. 934); ит. *edicola* ‘газетный киоск’ (Скворцова Н.А., Майзель Б.Н., 19776 с. 274); рум. *idicul* ‘беседка’ (Bolocan G. 1980, p. 470).

А вот слова с семантикой “относящийся к охране храма”, образованные от *aedes*, не имеют никаких других значений: *aeditula* ‘смотрительница храма’, *aeditualis (aeditu(m)us)* ‘храмовой смотритель, служитель при храме’, *aeditumor* ‘быть смотрителем храма’. Эти слова не дошли до наших дней и в современных романских языках не зафиксированы.

Полностью потеряла значение ‘храм’ и вышла из обихода в современных романских языках латинская лексема *fanum* (Forcellini A., 1858-1883, T. 3, p. 32; Дворецкий И.Х., 1976, с. 416). Ср.: *fanum sollerti fabricā structum* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 410) ‘построили изящный храм’; *fanum Junōnis* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 415) ‘храм Юноны’ и т.д.

Объясняется это тем, что существительное *fanum* этимологически связано с глаголом *fārī (for)* (Ernaut A. Meellet A., 2001, pp. 215-216; Forcellini A., 1858-1883, T. 3, p. 32), который прошел путь от лексемы, обозначающей звукоподражание природному явлению (гроза, молния, гром), вызывающему страх, благоговение и т.д., до глагола, определяющего процесс говорения как “божественное явление” (Мікіна О.Г.б 2012, с. 69). При этом этот глагол так и остался в недрах классической латыни и не дошел до нас (подробно процесс семантической эволюции *fārī (for)* и его сакральная составляющая см. Мікіна О.Г., 2012, сс.61-89). С прекращением функционирования базового слова *fārī (for)* выходит из обихода и производное от него *fanum*. В словарях современных романских языков если и фиксируется это существительное, то с дополнительными пометами, указывающими на его архаичность. Ср.: исп. *fano* ‘храм’ устаревшее (Moliner María, 2007).

Более устойчивыми ко времени оказались образованные префиксальным способом от исходного слова дериваты. Например латинское слово *profānus* ‘лишенный святости, непосвященный, непросвещенный, зловещий’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 816) дошло до современных европейских языков почти без изменений в значении. Ср.: исп., порт., галл. ит. *profano*; кат. *profà*; англ., фр. *profane*, нем. *profan* и т.д. (Diccionario multilingüe, 2003, pp. 712-713), русск., укр. профан.

Мы остановились только на двух латинских лексемах, которые потеряли свою сакральную составляющую. Причин такого «опрошения», учитывая меняющиеся мировоззрение людей, отношение к религии, обрядам, особенности исторического развития определенных территорий, можно назвать много. Выделим лишь четыре.

В первую очередь – наличие в Древнем Риме для номинации культового учреждения разных слов: *basilica* ‘христианский храм’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 127), *hypæthros* ‘храм под открытым небом, без кровли’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 483), *idōlūm* ‘языческий храм’ (Дворецкий И.Х., 1976, с.486), *sacrārium* ‘святилище’ (Дворецкий И.Х., 1976, с.891), *baptistērium* ‘часовня для крещения’ [Двор, 126], *coillum* ‘домашнее святилище’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 202) и т.д.

Во-вторых, – «глобализация» понятия. Храмом стали называть постройку, в которой совершались ритуальные, сакральные действия: *sacrarium* ‘святилище’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 891), *baptistarium* ‘часовня для крещения’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 126), *coillum* ‘домашнее святилище’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 126) и т.д.

В-третьих, немаловажную роль играла среда употребления и откуда римляне заимствовали слово. Например, создатели церковной литературы (Auctores Ecclesiastici) использовали такие слова как *dominicum* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 346), *insula* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 538), и т.д. в то время как другие лексемы были общеупотребительными: *dē-lūbrum* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 303), *donarium* (Дворецкий И.Х., 1976, с. 347) и т.д. Существительное *adytum* заимствовано из греческого языка, где оно обозначало ‘недоступное’ (Дворецкий И.Х., 1976, с. 38).

В четвертых, не стоит забывать, что почти каждое из слов, называющих место для совершения сакральных действий, имело и другое значение (как правило, ‘храм’ было не первым). Например, *martyrium* 1) мученичество, 2) храм [3, 620]; *pulvīnar* 1) подушка для изображения богов, 2) храм [3, 835]; *tectum* 1) крыша, кровля, 4) храм [3, 1000] и т.д.

В современных романских языках, равно как и в некоторых германских, для номинации храма используется слово с латинским корнем *templum*. Ср. исп., ит., порт. *templo*; фр. *temple*; англ. *temple*; нем. – *temple* (нехристианское культовое учреждение и в этом смысле история развития понятия ‘храм’ в немецком языке представляет собой особый интерес)

В латыни слово *templo* обозначает святое или церемониальное место. То есть, изначально речь не шла о здании. К слову, греки и потом римляне исполняли свои культы под открытым небом. Когда стали делать какие-то постройки («дом Бога»), церемонии проводились перед ними, но не внутри (Doval G., 1995, p. 348).

Восходит *templo* к индоевропейскому корню *tem-*, что обозначает ‘резать’ (ср.: древний ирландский *tatum* ‘тупой’, затупленный; словацкий *teti* ‘резать’; древний чешский *teti* ‘резать, рубить’; русский *tjati* ‘бить’) (Roberts E.A., Pastor B., 2001, p. 179).

С суффиксом *-lo* в латыни появилось слово *templo* ‘пространство для того, чтобы наблюдать за небом авгурами во время ауспий’ (Doval G., 1995, p. 348) – главное священное действие во времена Рима. И лишь со временем, в результате метонимии, анализируемая лексема приобрела современное значение ‘здание для культовых церемоний’, которое и используется по сей день.

То есть, в испанском языке лексема *templo* современное значение приобрела в результате следующих трансформаций: резать > очерчивать определенную территорию > территория для совершения священных (сакральный) действий > место перед зданием (‘домом Бога’) на котором совершались священные (сакральные) действия > здание для совершения священных (сакральных) действий.

В заключение отметим, что данная статья не претендует на полноту анализа. В ней скорее намечены основные пути и определена методология дальнейшей работы, в ходе которой предполагается установить универсалии семантического развития лексем, называющих храм в латыни и современных романских языках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. BOLOCAN G., 1980: Dictionar Român-Rus / Gheorghe Bolocan. – București: Editura Științifică și enciclopedică. – 1592 p.
2. DICCIONARIO MULTILINGÜE. 10 idiomas., 2003 / Carrogio, S.A. de Ediciones. – Barcelona, 2003, - 887 p.
3. DOVAL G.: 1995. Palabras con historia. / Gregorio Doval. – Madrid: Ediciones del Prado. – 423 p.
4. ELIADE M., 1964, 1994: Le sacré et le profane. Paris, 1964. Эта же работа. Элиаде М. 1994. Священное и мирское. М., с. 25.)
5. ERNAUT A., MEILLET A. 2001: Dictionnaire Étymologique de la langue latine. Paris.: Klincksieck.– 427 p.
6. FIGEIREIRO C. de., 1939: Dicionário da Língua Portuguesa. V. I. / Figueireiro Cândido, de. – Lisboa: Livraria Bertrand. – 1361 p.
7. FORCELLINI A. 1858-1883: Totius Latinitatis Lexicon. Opera et studio / Aegidii Forcellini. – Prati: Typis Aldinianis, T. I–VII.
8. MOLINER M., 2007: Dicionario de uso del español / M. Moliner. – Madrid: Gredos (edición en DVD).
9. POKORNY J., 1959: Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. – Bern, München: Francke Verlag, Bd. I. – 1182 S.
10. ROBERT, Petit, Le Nouveau, 1994: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / [sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey]. – Paris. – 2490 p.
11. ROBERTS E. A., PASTOR B., 2001: Dicionario etimológico indoeuropeo de la lengua española / E.A. Roberts, B. Pastor. – Madrid.: Alianza Editorial. – 360 p.
12. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.В., ИВАНОВ Вяч. Вс., 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры / Т.В. Гамк्रेлидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. – 1328 с.
13. ДАЛЬ В.И., 1998: Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык.
14. ДВОРЕЦКИЙ И.Х., 1976: Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык. – 1096 с.
15. ИЛИАДИ А. И., 2005: Основы славнской этимологии / А.И. Илиади. – К.: Довіра. – 270 с.
16. КУЗЬМИНА Т.В., 2001: Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из доблагрского языка) / Т.В. Кузьмина, дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01. – М.: Московский государственный областной университет. – 181 с.
17. ЛЕВИЦКИЙ В.В., 2006: Семасология / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга. – 512 с.
18. ЛЕВИЦКИЙ В.В., 1997.: Этимологические исследования в области германских языков / В. В. Левицкий. – Черновцы: Рута. – 276 с.
19. ЛИДОВ А. М., 2009: Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. / А.М. Лидов. – М.: Дизайн. Информация. Картография. – 362 стр.
20. МИКИНА О.Г., 2012: Историко-семасіологічне дослідження латинських і романських дієслів мовлення на індоевропейському фоні. Донецьк: Юго-Восток. – 450 с.

21. ОЖЕГОВ С.И., 1975: Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия. – 846 с.

22. СКВОРЦОВА, Н.А., МАЙЗЕЛЬ Б.Н., 1977: Итальянско-русский словарь / Н.А. Скворцова, Б.Н. Майзель. – М.: Русский язык. – 944 с.

23. ФАСМЕР М.: Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru>